

ТЕАТР — это огромный мир идей и чувств, это здание, которое строилось веками и в котором хранится гений великих художников далекого и близкого прошлого. Мы неправомерно обкрадываем себя, оставляя лишь в архивах и библиотеках творения, которые не потеряли живого голоса, несмотря на прошедшие века. Вспомним пору, когда в Москве были выставлены полотна Дрезденской галереи. Можно без преувеличения сказать, что рафаэлевская мадонна стала тогда событием нашей духовной жизни. Кто побывал в круглом зале Лувра, где живет, дышит Венера, наверняка сохранил ее в памяти как совершенный образ прекрасного.

Об этом подумалось с особенной остротой на еврипидовской «Медее», поставленной Н. Охлопковым в Концертном зале имени Чайковского. Первые же представления показали, что в театральной жизни столицы произошло событие. Надолго вперед раскуплены билеты, в дни спектаклей на площади Маяковского сотни жаждущих попасть в зал...

Что же привлекает москвичей в «Медее»? Новизна? Да, хотя и горько говорить о новизне трагедии, написанной две с по-

Новое открытие «Медей»

ловиной тысячи лет назад. Но что делать — древнегреческой драмы у нас не знают не только молодые зрители, но и вполне взрослые, искушенные театралы.

Быть может, молва о «Медее» связана с тем, что поставил ее Николай Охлопков, от которого зрители всегда ждут чего-то неожиданного? Конечно. Маститый режиссер с неумной молодой энергией берется за самые трудные художественные задачи, рушит привычные пределы театра. Даже афиша «Медей» — яркое тому свидетельство: в драматический спектакль вошла симфоническая музыка, хоровая капелла, а поставлен спектакль в зале, который когда-то замыслил для своего театра Мейерхольд...

Все это составляет вокруг нового спектакля театра имени Маяковского особую, волнующую атмосферу. Но, разумеется, самое важное и дорогое в том, что ожидания зрителей не были обмануты: старая трагедия, открытая заново режиссером, художником В. Рындиным, актерами, обогащенная танцевальной музыкой в исполнении симфонического оркестра, руководимого Ю. Силантьевым, властно завладела вниманием.

Н. Охлопков не пошел по пути осовременивания древней трагедии, хотя такой путь тоже возможен. Он поверил Еврипиду, почувствовал, что зритель вовсе не глух к трагедийности в ее античном выражении. Казалось бы, нечеловечески жестокий поступок Медей — убить собственных детей — должен был породить безусловное осуждение. Но

в том-то и сила трагичнейшего из поэтов, что он накаляет страсти своих героев до высшего предела, и ужасный, чудовищный шаг Медей воспринимается нами как отчаянный, безрассудный протест против страшной несправедливости, злого обмана. Это восприятие не конкретно: мы не ассоциируем его ни с современным миром, ни с миром древним; мы не думаем о том, что вот-де до чего может дойти оскорбленный, подавленный произволом человек. Кровавый исход «Медей» рождает в нашем сознании сложное чувство, где переплетаются осуждение и сочувствие.

Логика сюжета и стихия трагического властвуют в спектакле. И в этом наибольшая победа Н. Охлопкова и Е. Козыревой, которая поднялась в своей «Медее» до высот трагического. Актриса вовсе не идет по пути имитации классического искусства, она очень человечна, непосредственна. Но вместе с тем в лучших сценах мы ощущаем, с каким бесстрашием Е. Козырева отдается во власть страсти. Вот одна из самых сильных сцен: Медея готова к свершению своего ужасного шага, на самой высокой ноте она произносит монолог и устремляется к детям: черное покрывало ее, словно крылья, бьется о белые колонны, а на помосте в величавом спокойствии высится скульптура античного поэта. Превосходный контраст, передающий самую суть трагического.

Спектакль «Медей» заслуживает пристального и обстоятельного анализа. Прежде всего — искусство Н. Охлопкова, давно идущего к античной трагедии. И, конечно, искусство актеров, всех актеров — от исполнителей главных ролей до участников хора, — ибо они все решали новую для нашего театра задачу.

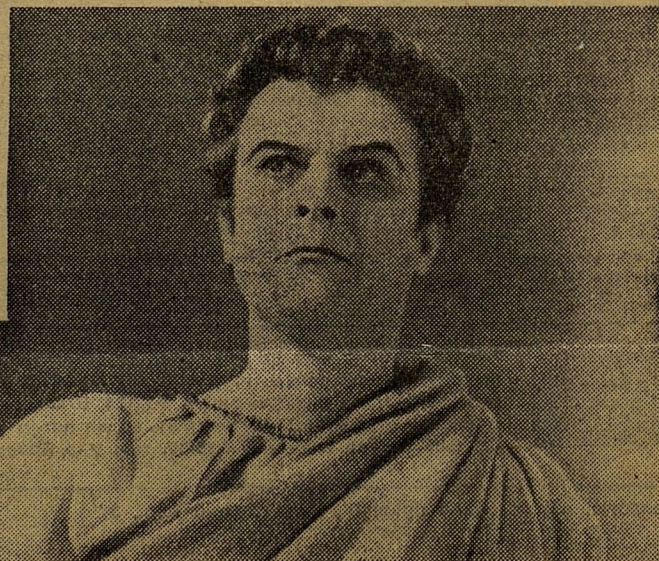
В спектакле есть, очевидно, и существенные недостатки. Они заставляют с тревогой думать о

том, что наши артисты, долго отлученные от классического театра, недостаточно сильны в пластике, в технике речи. Порой режиссеру изменяет вкус, порой истинная страсть подменяется в спектакле чисто внешними приемами выражения трагических чувств.

Все это так. И все же мне кажется, что «Медей» в театре имени Маяковского — это действительно художественное событие, более того — открытие в искусстве.

Смелый до дерзости шаг Николая Охлопкова рождает прочную надежду на то, что громадный мир театра, насчитывающий многовековую историю, выйдет на нашу сцену. Конечно, каждый режиссер, каждый коллектив будет по-своему решать эту задачу, при этом неизбежны споры, ошибки, поиски... Но ведь только так творится подлинное искусство.

А. АНАСТАСЬЕВ

ИМЕНА исполнителей главных ролей в спектакле «Медей», которых вы видите на этих снимках, — Е. Козыревой и Е. Самойлова — хорошо знакомы любителям театрального искусства. Несколько лет назад заслуженную славу принес Евгении Козыревой спектакль театра имени Вл. Маяковского «Гроза», где она великолепно играла Катерину. С новой силой раскрывается яркий артистический талант Е. Козыревой в «Медее».

...Вот уже три десятилетия плодотворно работает в театральной искусстве Евгений Самойлов.

В «Медее» Е. Самойлов покоряет своим темпераментным, вдохновенным искусством, отточенным мастерством. Фото А. Гладштейна.

«Московская правда», 1961, 24 декабря